

«Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации

Ю. С. Караваева

Для цитирования: Караваева Ю. С. «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 69–79. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104>

Специальные нормы в уголовном законе, как правило, призваны решать задачу дифференциации ответственности, поэтому должны содержать такие признаки состава, которые существенно меняют типовую степень общественной опасности деяния и (или) деятеля. Данные нормы конструируются посредством казуистического метода, что обусловлено их природой и направленностью на отражение общественных отношений, объективно дифференцированных по критерию общественной опасности. Увеличение количества специальных уголовно-правовых норм свидетельствует об устойчивой тенденции специализации уголовного закона, что при отсутствии признаков избыточности представляет собой вполне нормальное явление. Избыточность специализации проявляется в «сверхкриминализации», или, иначе говоря, социально не обусловленной криминализации деяний, уже подпадающих под регулирование действующего закона, но искусственно выделяемых законодателем посредством казуистического использования того или иного признака. Как показывает анализ последних уголовно-правовых новелл, в качестве указанного признака в большинстве случаев выступает статусно-ролевое положение виновного. Появление его в составе преступления как специального признака субъекта означает, что законодателем предполагается уголовно-правовая охрана определенного сегмента общественных отношений, участником которых субъект является и посягательство на которые возможно лишь при этом условии. Как правило, на практике указанные специальные нормы либо не применяются вообще, либо применяются в единичных случаях, что выступает одним из показателей необоснованной криминализации и, следовательно, избыточной специализации. В науке высказывается мнение, что «мертвые» нормы в уголовном законе призваны решать задачу предупреждения соответствующих деяний, что, на наш взгляд, есть попытка оправдать интенсивное законотворчество. Учитывая, что речь идет о необоснованной криминализации, такая охрана силами уголовного закона является искусственной в силу отсутствия объективной потребности в ней. Причиной появления соответствующих специальных норм, как правило, выступает политическая конъюнктура, суть которой в конечном итоге сводится к демонстрации усилий по противодействию преступности, в науке точно поименованных имитацией.

Ключевые слова: криминализация, специализация, дифференциация ответственности, специальные нормы, статусно-ролевые признаки.

Высокая динамика деятельности по изменению действующего уголовного закона вызывает необходимость критического осмысления ее результатов. Отмечая факт увеличения числа статей УК РФ более чем на 1/3, А. В. Наумов констатирует, что «в большинстве случаев вмешательство законодателя в текст Уголовного

Караваева Юлия Станиславовна — канд. юрид. наук, Пермский филиал НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 614079, Пермь, Студенческая ул., 38; iuskaravaeva@hse.ru

кодекса заключалось в криминализации новых, не запрещенных ранее деяний и установлении за них уголовной ответственности»¹. М. Бабаев и Ю. Пудовочкин объясняют преобладание криминализации в деле совершенствования уголовного закона «развитием общества, увеличением числа и интенсивности межличностных контактов, взаимодействий человека с природной средой, техникой и т. д.», что «с неизбежностью сопровождается ростом нормативных правил и, как следствие, необходимостью установления ответственности за их нарушение»².

К особенностям криминализации последних лет можно однозначно отнести появление новых составов преступлений «в основном за счет выделения специальных составов из общих»³, в подтверждение чего приведем результаты простого арифметического подсчета. Так, в 2018–2019 гг. редакция УК РФ обновлялась не реже, чем 11 раз в год, а в 2020 г. — 10 раз, однако изменений при этом было внесено не менее 15. При этом в результате обновлений появилось 11 специальных норм, закрепляющих признаки основных составов преступлений, совершение которых возможно лицом с определенным статусно-ролевым положением, и 3 нормы, в которых указанный признак субъекта имеет значение квалифицирующего. В течение 2021 г. редакция УК РФ обновлялась шесть раз, в результате чего появилось три специальные нормы, содержащие признаки основных составов, и еще три специальные нормы, в которых признакам субъекта придается значение квалифицирующих.

С одной стороны, приведенные расчеты показывают, что законодатель действительно активно использует возможности криминализации, решая задачу дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые субъектами с уголовно значимым статусно-ролевым положением либо в отношении потерпевших с аналогичными характеристиками. С другой стороны, выявленный факт позволяет говорить о том, что в представлении законодателя дальнейшее развитие уголовного закона в основном связано с дифференциацией ответственности за частные формы преступного поведения, в отношении которого уже предусмотрены уголовно-правовые запреты более общего характера. Подобный процесс, сопряженный с увеличением числа специальных уголовно-правовых норм, свидетельствует о продолжающейся специализации уголовного закона при отсутствии признаков избыточности, являющейся естественной.

Придавая специализации закона значение одной из «ведущих тенденций российского законодательства» наряду с унификацией, И. Н. Сенякин отмечает, что «цель правовой специализации — наиболее полно и точно охватить всевозможные особенности, новизну и динамику развивающихся общественных процессов, определить качественное состояние таких преобразований»⁴. Вместе с тем высокая динамичность уголовно-правового законодательства создает предпосылки для перерастания «естественной» или объективно обусловленной специализации в «необоснованную» или «неоправданную»⁵, установление критериев которой, как представляется, выступает необходимым условием для критического осмысления

---

¹ Наумов А. В. О состоянии и перспективах отечественного уголовного законодательства («Камо грядеши?») // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 7–13.

² Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

³ Курсаев А. В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 37–44.

⁴ Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. С. 1.

⁵ Там же. С. 22.

«перманентной новеллизации»⁶ уголовного закона. Особое значение указанные критерии приобретают с учетом активного научного обсуждения его авторских проектов⁷.

Представляется, что наиболее очевидным критерием выступает увеличение числа невостребованных практикой специальных норм в Особенной части УК РФ, большая часть которых описывает признаки составов преступлений с использованием статусно-ролевых признаков виновного и (или) потерпевшего. Исходя из официальной статистики за 2017–2020 гг., следует, что 37 таких норм ни разу не применялись в отношении кого-либо⁸. С учетом причин их появления в законе вывод о признании в качестве критерия избыточной специализации факта увеличения числа «мертвых» специальных уголовно-правовых норм выглядит достаточно обоснованным, и вот почему.

Говорить о специальном характере той или иной уголовно-правовой нормы представляется возможным только при условии соотнесения с нормой, являющейся для нее общей. Разница между ними заключается в объеме описываемых признаков состава преступления — специальная норма как бы уточняет содержание общей за счет использования конкретизирующих признаков, что заведомо ограничивает сферу общественных отношений, подпадающих под ее регулирование, относительно общей нормы. Иными словами, специальную уголовно-правовую норму отличает, во-первых, специфика ее конструкции, а во-вторых, особое основание, вызвавшее необходимость ее появления. Игнорирование законодателем той или иной особенности влечет появление еще одной «лишней» уголовно-правовой нормы, заведомо непригодной для отражения объективно существующей дифференциации общественных отношений и потому невостребованной правоприменителем. Отсюда избыточная специализация выступает результатом невыполнения законодателем требований либо в части юридической техники конструирования специальных норм, либо в части установления достаточных оснований их криминализации.

1. С позиции законодательной техники конструирование специальных норм априори предполагает использование казуистического приема, поскольку изменение типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля связывается с определенным обстоятельством или характеристикой, что и отражается законодательно. Специальная норма, таким образом, будучи заведомо казуистичной, устанавливает ответственность за частный случай, разновидность деяния, криминализованного посредством общей нормы. За счет конкретизированного содержания специальной нормы сужается круг общественных отношений, образующих непосредственный объект посягательства, что, как представляется, должно облегчать его квалификацию. Однако к рискам неоправданно широкого применения казуистического приема при конструировании уголовно-правовых норм, в частности, можно отнести создание искусственной конкуренции норм и вытекающие

---

⁶ Маркунцов С. А. О масштабах новеллизации и перспективах реформирования УК РФ // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сборник статей (материалы IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Е. Н. Сальгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой). М.: Издательский дом «Юриспруденция», 2018. С. 11–23.

⁷ См., напр.: Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Хутов К. М., Долотов Р. О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 109–118.

⁸ Очевидно, что отсутствие осужденных в связи с вменением деяния, запрещенного той или иной уголовно-правовой нормой, является лишь косвенным и не единственным возможным показателем ее жизнеспособности, вместе с тем отрицать его репрезентативность мы также не можем.

отсюда сложности в квалификации и разграничении составов⁹, классическим примером чего выступают нормы ст. 159 УК РФ и ст. 159.1–159.6 УК РФ. Кроме того, при несоблюдении требования системности уголовного закона и правила о непересечении санкций специальных и общих норм использование казуистического приема усложняет правоприменение и по большому счету сводится к имитации противодействия криминальным рискам тех или иных политических решений. Ярким примером выступает ст. 144.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, за счет введения которой законодатель попытался снизить возможные риски реализуемой реформы 2019 г. по повышению пенсионного возраста. Используя казуистический прием, законодатель формально обеспечил защиту интересов узкого круга лиц так же, как это имеет место в ст. 145 УК РФ, устанавливающей тождественные меры ответственности за совершение аналогичного деяния в отношении беременных женщин и женщин с детьми до трех лет. Указанные нормы являются специальными относительно ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», а закрепленные в них составы — привилегированными относительно основного. Вместе с тем криминализация деяний вопреки требованию криминологической обоснованности уголовно-правовой нормы, отсутствие объективной специфики относительно типовой общественной опасности в целях дифференциации ответственности, а также несовершенство конструкций составов, по нашему мнению, объясняет «мертвоорожденный» характер рассматриваемых положений. Так, за период 2017–2020 гг. по ст. 145 УК РФ было привлечено к ответственности четыре человека¹⁰, а по ст. 144.1 УК РФ — ноль человек¹¹.

2. Требование установления достаточных оснований криминализации специальных норм вытекает из такой их сущностной особенности, в силу которой специальная норма выступает формальным отражением дифференциации общественных отношений, имеющей место объективно. С учетом того, что общей нормой указанные общественные отношения уже поставлены под уголовно-правовую охрану, критерием их дифференциации является разница в общественной опасности возможных преступных угроз. Как отмечает К. К. Панько, «необходимость создания специальных норм обуславливается существенными различиями в характере и степени общественной опасности некоторых видов деяний, предусмотренных общей нормой, которая не позволяет в должной мере учесть эти различия»¹². В науке принято использовать понятие типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля применительно к уголовно-правовому запрету, установленному общей нормой. Специальная норма, в свою очередь, отражая стрем-

⁹ См., напр.: Курсаев А. В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–606.

¹⁰ Ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2017 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2018 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2019 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2020 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021).

¹¹ Статья 144.1 УК РФ была введена в уголовный закон в 2018 г., поэтому данные охватывают период 2019–2020 гг.

¹² Панько К. К. Правила и приемы российского уголовного законодательства // Lex Russica. 2014. № 3. С. 294–304.

ление законодателя зафиксировать различия в типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля посредством дифференциации правового регулирования, выполняет задачу дифференциации ответственности.

По общему правилу, говорить о криминологической обоснованности криминализации возможно в тех случаях, когда в отношении конкретного деяния установлены характеристики объективной общественной опасности, которая выражается не только в способности деяния причинить вред объектам уголовно-правовой охраны, но и в такой его распространенности, которая исключает признание деяния как обычным, рядовым (то есть чрезмерно распространенным), так и единичным («более или менее распространенным»¹³). Поскольку специальные нормы в большинстве случаев призваны решать задачу дифференциации ответственности, то достаточное криминологическое обоснование их появления в законе, помимо указанных обстоятельств, включает также существенное изменение типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля за счет отдельных признаков, ограничивающих ее применение по сравнению с общей нормой. Как отмечает А. В. Васильевский, «изменение уголовной ответственности должно быть основано на изменении общественной опасности деяния и лица, его совершившего, и на других важных характеристиках виновного, на принципе гуманизма»¹⁴.

Понятие типовой общественной опасности в науке противопоставляется «индивидуальным характеристикам общественной опасности преступления», которые «должны на ней основываться»¹⁵, и связывается с признаками основного состава преступления¹⁶, являющимися типичными и по этой причине обозначенными законодателем в общей норме. При этом санкция общей нормы признается типовой санкцией и содержит в себе типовое наказание¹⁷. Поскольку согласно ст. 15 УК РФ санкция отражает законодательную оценку общественной опасности деяния, именно она выступает «овеществленным» показателем типовой общественной опасности, что не противоречит мнению о том, что «наказание вторично по отношению к преступлению. Само преступление (его опасность) должно определять размер наказания, но не наоборот»¹⁸.

Исходя из изложенного, социальной предпосылкой дифференциации ответственности является дифференциация общественных отношений по критерию общественной опасности возможных посягательств на них, а формальным выражением — специальная норма, содержание которой позволяет выделить этот круг общественных отношений и поставить его под специальную уголовно-правовую охрану. Если иметь в виду нормы, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные в связи со статусно-ролевым положением лица, то речь идет о частных формах преступного использования должностного, служебного, профессионального и иных статусов либо их конкретных разновидностей, чья

---

¹³ Прокументов Л. М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 227–230.

¹⁴ Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 11.

¹⁵ Петрушенков А. Н. Проблемы реализации общественной опасности преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 75–83.

¹⁶ Кругликов Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве // Уголовное право и криминология: современное состояние и развитие. Вып. 4. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 40–57.

¹⁷ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2000. С. 83.

¹⁸ Валеев М. Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. № 2 (8). 2013. С. 29–34.

общественная опасность отличается от типовой, уже учтенной законодателем в санкциях общих норм.

Вместе с тем в Особенной части Кодекса достаточно специальных норм, являющихся следствием неучета законодателем рассмотренных особенностей и потому не применяемых на практике. В частности, в ст. 285 УК РФ установлена ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, а в ст. 285.1–285.4 УК РФ — за отдельные формы злоупотреблений в различных сферах, связанных с бюджетными средствами и денежными средствами внебюджетных фондов, ведением государственных реестров и государственным оборонным заказом. При этом в каждом случае законодатель, используя казуистический метод, уточняет характер действий, выражающих злоупотребление полномочиями, за исключением ч. 1 ст. 285.4 УК РФ, диспозиция которой почти полностью дублирует ч. 1 ст. 285 УК РФ. Исходя из сравнительного анализа санкций общей нормы ст. 285 УК РФ и специальных норм ст. 285.1–285.4 УК РФ¹⁹, следует, что общественная опасность злоупотреблений с бюджетными средствами и средствами внебюджетных фондов ниже типовой, злоупотреблений с государственными реестрами — ничем от типовой не отличается, а злоупотреблений в сфере государственного оборонного заказа — выше типовой в два раза. Если принять во внимание, что санкции норм Особенной части УК РФ выступают «формой дифференциации уголовно-правового воздействия»²⁰, а нижний предел лишения свободы в санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ законодателем не определен, то возникают вопросы относительно целесообразности криминализации злоупотреблений в первых двух случаях, равно как и злоупотребления в сфере ведения государственных реестров, общественная опасность которого ничем не отличается от типовой с учетом одинаковых санкций²¹. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «существование специальной нормы наряду с общей нормой тогда имеет практический смысл, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)»²². Применительно к ст. 285.3 УК РФ приведенное положение не выполняется, а относительно привилегированных норм ст. 285.1–285.2 УК РФ появляется резонный вопрос о целесообразности криминализации соответствующих деяний при условии отсутствия нижних пределов сроков лишения свободы в ст. 285 УК РФ. Представляется, что говорить о достаточности оснований появления данных уголовно-правовых норм не приходится.

В то же время, по мнению Б. В. Волженкина, «норма об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями является как бы родовой, общей по отношению к другим нормам об умышленных служебных преступлениях должностных лиц, как-то: нецелевое расходование бюджетных средств... превышение должностных полномочий... незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, служебный подлог, которые по существу представляют собой особые (специальные) случаи должностных злоупотреблений»²³. Однако

---

¹⁹ Сравнивались санкции норм, содержащих описание признаков основных составов указанных деяний.

²⁰ Густова Э. В. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций в УК РФ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 2. С. 206–216.

²¹ Об идентичности санкций рассматриваемых норм, как представляется, можно говорить потому, что арест, предусмотренный санкцией ч. 1 ст. 285 УК РФ и отсутствующий в санкции ч. 1 ст. 285.3 УК РФ, фактически не применяется.

²² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 218.

²³ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 116.

рассматривая вопрос о соотношении общей и специальных норм лишь на примере ст. 285–285.4 УК РФ, мы в том числе учитывали, что одним из показателей криминологической обоснованности уголовно-правового законотворчества и надлежащего уровня юридической техники выступает востребованность новеллы практикой. Иными словами, полагаем, что правоприменение выполняет функцию верификации предположения законодателя об общественной опасности того или иного вновь криминализованного негативного социального явления.

Обращение к официальным статистическим данным за период 2017–2020 гг. применительно к рассматриваемым специальным составам должностных злоупотреблений показывает, что по ст. 285.1 УК РФ было осуждено восемь человек, по ст. 285.2 УК РФ — пять человек, по ст. 285.3 УК РФ — пять человек, по ст. 285.4 УК РФ — два человека²⁴. Учитывая соотношение санкций рассматриваемых специальных норм с санкцией общей и в конечном счете разницу в общественной опасности соответствующих деяний, можно сделать вывод, что объективная необходимость в законодательном придании самостоятельного значения указанным частным формам должностных злоупотреблений отсутствует. Редкие факты применения данных норм на практике это подтверждают и позволяют отнести их к «мертвым» нормам Кодекса.

В целом наличие подобного рода уголовно-правовых норм само по себе есть отражение проблем в части криминализации деяний и юридической техники конструирования соответствующих составов, поэтому выход из подобной ситуации логично связывать с обратно направленной тенденцией унификации, предполагающей декриминализацию, использование единообразной терминологии и отказ от активного применения казуистического метода. Неоднократно на необходимость «ревизии» Особенной части Кодекса указывалось в научной литературе²⁵. Единичные примеры, подтверждающие осведомленность законодателя об альтернативных путях развития уголовного закона, можно обнаружить в недавних его изменениях. Так, в 2018 г. было декриминализировано деяние, запрещенное ст. 269 УК РФ²⁶, а в 2019 — дискуссионный квалифицирующий признак «совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения» в ряде норм был заменен на «совершение преступления лицом с использованием служебного положения»²⁷. Очевидно, что подобных примеров недостаточно для утверждения о приобретении унификацией характера тенденции, несмотря на очевидную в этой тенденции потребность.

---

²⁴ Ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2017 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2018 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2019 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021); ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2020 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 04.06.2021).

²⁵ См., напр.: *Капинус О. С.* Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4. С. 37–46.

²⁶ Федеральный закон от 23.04.2018 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 25.04.2018. № 88.

²⁷ Федеральный закон от 16 октября 2019 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 18.10.2019. № 235.

В заключение целесообразно обратиться к вопросу оценки проблемы уголовно-правовых норм, не применяемых²⁸ или «практически»²⁹ не применяемых на практике, в научной литературе являющейся неоднозначной. По большому счету исследователи единодушны лишь в части признания факта наличия таких норм в действующем уголовном законе, тогда как причины их появления и значение понимаются по-разному. В частности, позиции о том, что «закон по сути своей должен отражать фактически сложившиеся общественные отношения в определенной сфере жизни, а не служить программой будущего развития»³⁰, противопоставляется мнению о «предупредительном» эффекте, проистекающем из самого присутствия в законе того или иного уголовно-правового запрета. Так, А. В. Курсаев, признавая факт «массового присутствия “мертвых норм” в действующем УК РФ», оценивает его как «свидетельство» «прямой необходимости наличия в нем запретительных норм такого рода»³¹.

Представляется, что подобный подход ставит под сомнение основные положения теории криминализации о социальных основаниях уголовно-правового запрета или его криминологической обусловленности, которая связывается с «соответствующими предпосылками, социальными причинами возникновения или изменения уголовно-правовой нормы»³². В свою очередь, выявление и учет социальной потребности в рамках правотворческой деятельности является одним из условий эффективности вновь появившейся или измененной уголовно-правовой нормы, то есть выступает залогом ее уголовно-правовой жизнеспособности. Речь идет о том, что эффективность уголовно-правового запрета зависит от его социальной и криминологической обусловленности³³.

Оценку эффективности уголовного закона в науке предлагается связывать с достижением целей уголовно-правового регулирования³⁴. Как представляется, это справедливо и для оценки эффективности правоприменения, однако в теории эти понятия тождественными не признаются. Их «общность» обусловлена тем фактом, что они подлежат установлению «на основе анализа и оценки одних и тех же последствий — фактических изменений, произошедших в объекте вследствие воздействия правоприменения»³⁵. Применительно к «мертвой» норме, не применяемой или применяемой единично, о таких последствиях вообще говорить не приходится, а значит, ее существование оправдать не представляется возможным. Кроме того, само по себе допущение факта введения этих норм в закон с превентивными целями означает признание легальности произвольной криминализации неограниченного круга деяний, в отношении которых на властном уровне выдвинуто лишь предположение об их общественной опасности или ее угрозе. Отметим,

---

²⁸ См., напр.: Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы...; Дробышевский С. А., Орлова С. В. О «мертвых» юридических правилах // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (8). С. 113–116; Никонов В. А. Социальная вредность «мертвых» правовых норм и их ревизия в процессе мониторинга нормативных правовых актов // Вестник Нижегород. акад. МВД России. 2011. № 2 (15). С. 145–149.

²⁹ Курсаев А. В. Причины наличия...

³⁰ Упоров И. В. «Мертвые нормы» в истории уголовного и уголовно-исполнительного права России // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1–1. С. 100–102.

³¹ Курсаев А. В. Причины наличия...

³² Кудрявцев В. Н. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982. С. 206.

³³ Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. С. 13.

³⁴ Алексеева Л. А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Орел, 2017. С. 68.

³⁵ Там же. С. 71.

что Конституционным Судом РФ обращается внимание на недопустимость подобного подхода: «...закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным»³⁶.

Уместно отметить, что феномен «сверхкриминализации» (overcriminalization)³⁷ известен также зарубежному уголовному праву, однако в понимании авторов охватывает не только законотворческую составляющую, но и правоприменительную: «...широкое явление, охватывающее множество проблем, но всегда связанное с неоправданным использованием системы уголовного правосудия»³⁸. Характерно, что причины этого явления авторами связываются с особенностями политической конъюнктуры: «...трудно вспомнить хоть одного современного политика, который пришел бы к власти на платформе декриминализации или смягчения наказания»³⁹.

Таким образом, применительно к специальным нормам предположение об их криминологической обоснованности в конечном итоге имеет место тогда, когда соответствующее деяние не только в достаточной степени распространено и объективно общественно опасно, верификацией чего является последующая практика применения новеллы, но и получает такую законодательную оценку общественной опасности в рамках санкции, которая, во-первых, существенно отличается от типовой, а во-вторых, обусловлена частным признаком деяния и (или) деятеля. В свою очередь, увеличение количества специальных уголовно-правовых норм, не отвечающих указанным требованиям и потому не востребованных практикой, как представляется, свидетельствует об избыточном характере специализации российского уголовного закона, что не может признаваться его совершенствованием. Более того, для действующего российского уголовного закона проблемы избыточной специализации и необоснованной криминализации оказываются взаимосвязанными ввиду перманентного увеличения числа специальных уголовно-правовых норм, часть из которых сложно признать криминологически обоснованными.

Статья поступила в редакцию 21 июня 2021 г.
Рекомендована к печати 15 февраля 2022 г.

“Dead” special provisions of the criminal law as a criterion of excessive (unjustified) specialization

Yu. S. Karavaeva

For citation: Karavaeva, Yuliya S. 2022. “Dead” special provisions of the criminal law as a criterion of excessive (unjustified) specialization. *Pravovedenie* 66 (1): 69–79. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104> (In Russian)

Special norms in the criminal law, as a rule, are designed to solve the problem of differentiation of responsibility, so they must contain such features of the composition that significantly change the typical degree of public danger of the act and (or) the figure. These norms are con-

³⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n/> (дата обращения: 09.06.2021).

³⁷ См., напр.: *Smith Stephen F.* Overcoming overcriminalization // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2012. Vol. 102. P. 537–591.

³⁸ *Luna E.* The overcriminalization phenomenon // *American University Law Review*. 2005. Vol. 54. P. 703–743.

³⁹ *Ibid.* P. 703–743.

structed using the casuistic method, which is due to their nature and focus on reflecting social relations that are objectively differentiated by the criterion of public danger. The increase in the number of special criminal law norms indicates a steady trend of specialization of the criminal law, which, in the absence of signs of redundancy, is quite normal. The excess of specialization manifests itself in “overcriminalization” or, in other words, socially non-conditioned criminalization of acts that already fall under the regulation of the current law, but are artificially singled out by the legislator through the casual use of a particular attribute. As the analysis of the latest criminal law novels shows, the status and role position of the guilty person acts as the specified feature in most cases. Its appearance in the crime as a special feature of the subject means that the legislator assumes criminal protection of a certain segment of public relations, in which the subject is a participant, and the encroachment on which is possible only under this condition. As a rule, in practice, these special rules are either not applied at all, or are applied in isolated cases, which is one of the indicators of unjustified criminalization and, consequently, excessive specialization. In science, the opinion is expressed that the so-called “dead” norms in the criminal law are designed to solve the problem of preventing the relevant acts, which, in our opinion, is an attempt to justify intensive lawmaking. Given that this is an unjustified criminalization, such protection by the criminal law is artificial due to the lack of an objective need for it. The reason for the appearance of appropriate special norms, as a rule, is the political conjuncture, the essence of which ultimately boils down to demonstrating efforts to combat crime, which in science is precisely called “imitation”.

Keywords: criminalization, specialization, differentiation of responsibility, special norms, status-role characteristics.

References

- Alekseeva, Liliya A. 2017. The ratio of social and legal effectiveness of law enforcement activities of the internal affairs bodies. Orel. (In Russian)
- Babaev, Mihail M., Pudovochkin, Jurij E. 2010. «Dead» norms in the Criminal Code: problems and solutions. *Ugolovnoe pravo* 6: 4–10. (In Russian)
- Drobyshevskij, Sergej A., Orlova, Svetlana V. 2015. About the «dead» legal rules. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal* 5 (8): 113–116. (In Russian)
- Gustova, Jella V. 2015. Theoretical foundations of the construction of criminal sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* 2: 206–216. (In Russian)
- Kapinus, Ol'ga S. 2018. Criminalization and decriminalization of acts: finding the optimal balance. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 4: 37–46. (In Russian)
- Kruglikov, Lev L. 2008. Grounds for differentiation of liability in criminal law. *Ugolovnoe pravo i kriminologija: sovremennoe sostojanie i razvitie* 4: 40–57.
- Kudrjavcev, Vladimir N. 1972. *General theory of crime qualification*. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Kudrjavcev, Vladimir N. 1982. *Grounds for criminal prohibition: criminalization and decriminalization*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Kuznecova, Ninel' F., Tjzhkova, Irina M. 1999. *Criminal Law course. General part: textbook for universities*. Moscow, Zerkalo Publ. (In Russian)
- Kursaev, Aleksandr V. 2021. Negative aspects of the novelization of the criminal law. *Iuridicheskaja tekhnika* 15: 600–606. (In Russian)
- Kursaev, Aleksandr V. 2021. Reasons for the presence of «dead norms» in the Criminal Code of the Russian Federation. *PRAVO: istorija i sovremennost'* 1 (14): 37–44. (In Russian)
- Lesnievski-Kostareva, Tat'jana A. 2000. *Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Lopashenko, Natal'ja A., Kobzeva, Elena V., Hutov, Kazbek M., Dolotov, Ruslan O. 2017. Theoretical model of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: the main provisions of the structure and content. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 11/1: 109–118. (In Russian)
- Luna, Eric. 2005. The overcriminalization phenomenon. *American University Law Review* 54: 703–743.

- Markuncov, Sergej A. 2018. On the scope of novelization and prospects for reforming the Criminal Code of the Russian Federation. *Sociologija ugovolnogo prava i reformirovanie ugovolnogo zakonodatel'stva: sbornik statei (materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Moscow, Iurisprudentsiia Publ.: 11–23. (In Russian)
- Naumov, Anatolij V. 2021. On the state and prospects of the domestic criminal legislation («Kamo gryadeshi?»). *Ugovolnoe pravo: strategija razvitiia v XXI veke: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, RG-Press Publ.: 7–13. (In Russian)
- Nikonov, Vladimir A. 2011. Social harmfulness of «dead» legal norms and their revision in the process of monitoring normative legal acts. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* 2 (15): 145–149. (In Russian)
- Pan'ko, Kirill K. 2014. Rules and techniques of Russian criminal lawmaking. *Lex Russica* 3: 294–304. (In Russian)
- Petrushenkov, Aleksandr N. 2018. Problems of implementation of the public danger of crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* 2: 75–83. (In Russian)
- Prozontov, Lev M. 2018. The prevalence of acts as an optional sign of their public danger. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 429: 227–230. (In Russian)
- Senjakin, Ivan N. 1993. *Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice)*: Dr. Sci. abstract. Saratov. (In Russian)
- Smith, Stephen F. 2012. Overcoming overcriminalization. *Journal of Criminal Law and Criminology* 102: 537–591.
- Uporov, Ivan V. 2016. «Dead Norms» in the History of Criminal and Penal Enforcement Law in Russia. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiia* 1–1: 100–102. (In Russian)
- Valeev, Marat T. 2013. Standard sanction as a criterion for categorizing crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 2 (8): 29–34. (In Russian)
- Vasil'evskij, Aleksandr V. 2000. *Differentiation of criminal responsibility and punishment in the General part of criminal law*: PhD abstract. Nizhny Novgorod. (In Russian)
- Volzhenkin, Boris V. 2005. *Official crimes: a commentary on legislation and judicial practice: commentary on legislation and judicial practice*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)

Received: June 21, 2021
Accepted: February 15, 2022

Yuliya S. Karavaeva — PhD in Law, HSE University Perm, 38, ul. Studencheskaya, Perm, 614070, Russian Federation; iuskaravaeva@hse.ru